

Выжидательная политика Петербурга контрастировала с мнением российских дипломатов на Дальнем Востоке, скептически относившихся к инструкциям из министерских канцелярий и имевших, как правило, своё представление о надлежащем образе действий России. В частности, это касалось уполномоченного в делах России в Сеуле К.И. Вебера, сменившего А.Н. Шпейера, а также некоторых местных чиновников, например, приамурского генерал-губернатора Н.И. Гродекова⁷⁹. К.И. Вебер настаивал на более решительной поддержке короля и противодействии Японии так, что Петербургу приходилось осаждать его. По-видимому, за излишнюю активность 5 (17) июля 1895 г. Николай II распорядился заменить его на А.Н. Шпейера, несмотря на возражения корейского короля⁸⁰. Такие разногласия не могли остаться, хотя бы частично, незамеченными корейским руководством, которое подмечало непоследовательность политики России. Тем не менее, окружение королевы Мин летом 1895 г. настояло на смене прояпонски настроенных министров, назначив на их места своих ставленников – сторонников ориентации на Россию⁸¹. То есть, правящая группировка во главе с королём в той непростой для Кореи ситуации однозначно сделала ставку на Петербург.

5.4. Переворот 1895 г. в Сеуле: провал Японии, удача России

Дальнейшему усилению российских позиций в Корее в основном способствовали сами японцы. Потерпев обидную неудачу в территориальных притязаниях на Ляодунский полуостров, Страна восходящего солнца предприняла грубую попытку государственного переворота в Корее. 8 октября 1895 г. японские агенты проникли в королевский дворец и зверски убили королеву Мин⁸². Король оказался в их руках и находился на грани потери всякой власти. Благо-

оканчивались в портах, которые могли стать базой для русского флота, а маршрут, возможно, являлся трассой будущей железной дороги к гавани.

⁷⁹ Нихамин В.П. Указ. соч. С.156.

⁸⁰ Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея... С.125–127. Б.Б. Пак полагает, что российский дипломат заболителся преимущественно о сохранении Кореи независимости. Но всё-таки на первом месте для него стояло усиление влияния России для вероятного присоединения королевства в будущем. А.Н. Шпейер прибыл в Сеул только 27 декабря 1895 г. (8 января 1896 г.), но и после этого К.И. Вебер получил указание оставаться в Корее (С.166).

⁸¹ Там же. С.121. Корейское руководство состояло из трёх министров (или первых советников короля), семь министерских департаментов и восемь губернаторов провинций. Существовал также Государственный совет, не имевший строго очерченных полномочий. Король не возглавлял его, являлся лишь членом (Война между Китаем и Японией в 1894–1895 гг. Нижний Новгород, 1896. С.4).

⁸² Подробнее об этом см.: Пак Б.Д. Указ. соч. С.224–225; Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея... С.135–141.

даря энергичным действиям К.И. Вебера и его американского коллеги, секретаря миссии Х. Аллена, им удалось несколько приструнить японцев. В частности, они заставили японского посланника признать своё участие в событиях 8 октября. Однако король продолжал оставаться под «охраной» подданных микадо. Перепуганный монарх видел возможную защиту против японцев только в лице России, поэтому был готов немедленно передать своё королевство под протекторат Петербурга⁸³. «Сознавая безусловную для себя необходимость руководствоваться во всех важных государственных делах советами и указаниями одной России, Е[го] в[еличество] желал бы, чтобы импер[аторское] пр[авительство] воверило роль руководителя и наставника корейских министров какому-либо доверенному лицу, которое <...> присутствовало бы при всех его заседаниях и направляло бы деятельность корейских сановников»⁸⁴. Король прямо выразил желание очистить Корею от японцев с помощью России и вступить на путь «прогресса» (то есть, провести ряд реформ с целью модернизации королевства), а пока намеревался бежать из своего дворца от японской «охраны»⁸⁵.

В обстановке после скандального переворота японцы чувствовали себя неуверенно и искали возможностей узаконить сложившуюся ситуацию. 10 февраля 1896 г. премьер Х. Ито имел двухчасовую встречу с М.А. Хитрово. Разговор вращался в основном вокруг событий, происшедших в Корее. Х. Ито убеждал собеседника, что тэвонгун будет ничуть не хуже, чем коджон, так как Корея всё-равно не способна управляться самостоятельно. Японский премьер хотел добиться от России согласия на то, чтобы оставить в Корее всё как есть. На возражения М.А. Хитрово, что необходимо немедленно устранить «совершенно ненормальное положение, в котором находится управление Кореею после переворота 8 октября с правительством, водворившимся силою, и с королём в руках бывших заговорщиков», Х. Ито только и мог ответить, что перемены в составе корейской власти, по его мнению, были невозможны «без тщательного и подробного обсуждения всех обстоятельств» (то есть, затягивать дело)⁸⁶. Но такого «обсуждения» почему-то не потребовал переворот 8 октября. Вообще позиция Токио не выглядела убедительной. Настаивая на неспособности корейского руководства управлять королевством, Япония одновременно вела дело к его независимости. Как не без ехидства заметил

⁸³ Нихамин В.П. Указ. соч. С.144–149.

⁸⁴ К.И. Вебер – А.Б. Лобанову-Ростовскому 7 февраля 1895 г. // АВПРИ. Ф.191. Оп.768. Д.365. Л.28 об. – 29; Нихамин В.П. Указ. соч. С.156.

⁸⁵ Нихамин В.П. Указ. соч. С.151–154.

⁸⁶ Разговор с маркизом Ито 29 января (10 февраля) 1896 г. // ОР ИРЛИ. Ф.325. Оп.1. №252. Л.1 об. – 3 об.; Lensen G.A. Op. cit. Vol.II. P.603–604. Дж. Лензен датирует встречу 11 февраля 1896 г.

российский дипломат: «С начала войны японское прав[ительст]во заявляло, что стремится лишь упрочить независимость Кореи, и как только эта цель будет достигнута, Япония удалится, так как не имеет намерения вмешиваться во внутренние дела королевства». Однако после заключения Симоносекского мира желание Токио удалиться совершенно испарилось. Наоборот, Япония настаивала на необходимости своего широкого вмешательства в корейские дела, не допуская туда других. Трудно было более открыто претендовать на Корею, чем это делала Страна восходящего солнца.

По иронии судьбы буквально на следующий день 11 февраля 1896 г. король вместе с сыном в женском платье тайно прибыли в российскую миссию под охрану моряков⁸⁷. Бегство монарха было бы невозможным без содействия российских дипломатов, на сей раз получивших одобрение Петербурга. В миссии королю отвели две большие комнаты, «снабжённые такою обстановкою и такими удобствами, которых он, конечно, никогда не имел и не будет иметь в своем дворце⁸⁸. Рядом был выстроен большой барак под королевскую кухню, а двор миссии был весь застроен корейскими домами самых разнообразных фасонов, в которых устроены были канцелярии главнейших министерств. Тут министры ожидали своей очереди для докладов и тут же велись текущие дела. <...> Сонм придворных лиц, евнухов и гаремных дам наполняли миссию, ожидая приказаний своего властелина. Десантный отряд в 80 человек охранял неприкосновенность высокогo гостя; из своего окна он ежедневно мог видеть образцовое строевое учение наших храбрых моряков, на площадке перед главным входом красовалась пушка; караульные посты расставлены были вдоль всей ограды миссии». Лишь изредка монарх покидал здание и выходил в сад подышать свежим воздухом. «Иногда он, полумёртвый от страха, решался выезжать с наследником в ближайший дворец для таких неизбежных церемоний как принесение поздравлений своей престарелой матери⁸⁹. Пользуясь ситуацией, К.И. Вебер вёл почти каждый вечер долгие беседы с монархом, убеждая «слабохарактерного, но в душе доброго и благонамеренного короля» в необходимости тех или иных мероприятий⁹⁰.

⁸⁷ Подробнее об этом см.: Пак Б.Д. Указ. соч. С.237–239.

⁸⁸ Здание российской миссии в Сеуле было выстроено К.И. Вебером на участке, примыкавшем к одному из королевских дворцов. В ограде миссии находились ещё четыре маленьких домика. Левую половину основного здания занимал К.И. Вебер, правую – А.Н. Шпейер. Королю были предоставлены две комнаты на половине К.И. Вебера (Поездка Генерального штаба полковника Карнеева и поручика Михайлова по Южной Корее в 1895–96 гг. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LXXV. СПб., 1901. С.44–45, 60).

⁸⁹ Выписка из частного письма Е.Ф. Штейна 20 февраля 1897 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. №96. Л.140–141; Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея... С.173–174, 213.

⁹⁰ Вебер К.И. Записка о Корее до 1898 г. и после // Российское корееведение. Альманах. Выпуск второй. М., 2001. С.136.

Король немедленно низложил марионеточное прояпонское корейское правительство и принял ряд мер к удалению японцев из Кореи. Новый кабинет был составлен исключительно из прорусски настроенных сановников. По мнению В.П. Нихамина, «влияние Японии казалось подорванным, а возможности укрепления позиций царской России – почти безграничными»⁹¹. Несмотря на открывшиеся новые возможности, Петербург опять не взял на себя роль главного защитника и покровителя королевства, продолжив прежнюю политику неопределённости. Просьбы коджона направить в Корею советника правительства по финансовой части, а также офицеров для организации корпуса в 3000 солдат не вызвали энтузиазма. Россия держала в уме прежде всего необходимость урегулировать отношения с Японией, поэтому А.Н. Шпейер получил указание избегать конфликтных ситуаций⁹². На этом же настаивал посланник в Токио М.А. Хитрово: «Корея от нас никоим образом не уйдёт, пока же надо сделать назад. Прежде всего, чтобы без надобности не показывать японцам зубы» и не «наносить ударов их самолюбию». Дипломат был уверен, что Россия не готова к войне на Дальнем Востоке, а японцы после переворота в Сеуле и так должны стать более сговорчивыми⁹³. Министр иностранных дел А.Б. Лобанов-Ростовский уверял японского по-

⁹¹ Нихамин В.П. Указ. соч. С.155. Но возможности России в Корее даже в тот момент не надо преувеличивать, как это сделал позднее К.А. Алексеев. В своих оценках он явно перегнул палку: у него получалось, что «перевес нашего влияния в сентябре 1897 г. (!–И.Л.) заметно проглядывал во всём и впечатление, что взоры всех классов были обращены к нам с нескрываемым ожиданием и надеждой на что-то, получалось с особой отчётливостью» (К.А. Алексеев – С.Ю. Витте 6 февраля 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.765. Л.71–72). Следует помнить, что у него был свой резон: чиновник оправдывал действия российских представителей (А.Н. Шпейер, К.И. Вебер, К.А. Алексеев), противопоставляя их «верные» шаги ошибочному курсу МИДа. Однако к сентябрю 1897 г. короля уже не было в российской миссии, а влияние русских в Корее заметно пошатнулось. К.А. Алексеев необоснованно связал позиции Петербурга в королевстве исключительно с расположением монарха («король обыкновенно устраивает против своих же сподвижников заговор с представителями России, научая их, какие именно угрозы нужно употребить, чтобы склонить чинов кабинета к уступчивости»). Эту аргументацию К.А. Алексеева чуть позже успешно использовал С.Ю. Витте, но с иной целью: министр доказывал, что России не следует вести себя активно в королевстве, так как позиции её там крайне непрочны и зависят лишь от симпатий короля. К.А. Алексеев же, составляя оправдательные письма для С.Ю. Витте, расписывал свои успехи, не жалея красок. Его сочинения сыграли роль одного из аргументов для министра финансов, чтобы изменить политику России в Корее, свернув масштабную деятельность. К.А. Алексеев же стремился доказать обратное: активные усилия в королевстве следовало продолжать.

⁹² Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея... С.175–176.

⁹³ М.А. Хитрово – А.Н. Шпейеру 20 февраля 1896 г. // ОР ИРЛИ. Ф.325. Оп.1. №254. Л.3–6.

сланника в Петербурге Т. Ниши, что он не в курсе корейских дел и что у России нет своей политики относительно королевства⁹⁴. Отвечая на японские вопросы, сановник лишь выразил уже известное желание сохранить status quo на полуострове⁹⁵.

В ответ на беспокойство и растерянность японцев, вызванных бегством короля, Россия демонстрировала спокойствие и держала паузу. Энергичное настроение сохраняли лишь российские дипломаты в Корее, особенно – К.И. Вебер⁹⁶. У них имелись основания, чтобы беспокоиться. Благодушные же российского руководства не выглядело вполне обоснованным: незамерзающий порт так и не был приобретён, о чём постоянно напоминало Морское министерство. В тогдашних обстоятельствах Петербургу ничего не стоило выговорить себе такую гавань у Сеула, что совсем не обязательно повлекло бы за собой ухудшение отношений с Японией. Достаточно было уведомить Токио, что Россия не претендует на большее и пойти на некоторые уступки Стране восходящего солнца. Вместо этого российское руководство делало неуверенные и труднообъяснимые шаги. Так, в мае 1896 г. К.И. Веберу предписали заключить контракт с королём от имени Морского министерства на «уступку» 5730 кв. саженей земли на островах Розу и Чемульпо⁹⁷. Конечно, для настоящего порта такого участка было явно недостаточно, он годился не более, чем для угольной станции. Вероятно, в тот момент, согласно видам С.Ю. Витте, полноценную гавань искали в Китае, что получило отражение в переговорах с Ли Хунчжаном в мае 1896 г.⁹⁸ Однако о возможном корейском варианте в Петербурге также не забывали.

⁹⁴ Т. Ниши – в Токио 17 февраля 1896 г. // Diplomatic Record Office, Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2.1.1–2. Part 1. P.20. Это похоже на правду, так как ещё перед началом японо-китайской войны 1894–1895 гг. Т. Ниши «неустанно обивал пороги» в МИДе, пытаясь выяснить отношение России к грядущему столкновению, однако его усилия оказались тщетны. Р.Р. Розен, хорошо знавший Т. Ниши, а вместе с ним и К.А. Губастов, служивший в 1895–1896 гг. вице-директором Азиатского департамента, объясняли это отсутствием у ведомства какой-либо внятной политики в регионе (Губастов К.А. Мемуары. IX Азиатский департамент 1895–1897 // ОР ИРЛИ. Ф.212. Оп.1. №18. Л.134 об. См. также: Розен Г.А. *Op. cit.* Vol.II. P.609, 612–613).

⁹⁵ Т. Ниши – в Токио 27 февраля 1896 г. // Diplomatic Record Office, Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2.1.1–2. Part 1. P.76.

⁹⁶ М.А. Хитрово даже полагал, что энергичные действия К.И. Вебера продиктованы тем обстоятельством, что вся ответственность лежала уже не на нём, а на А.Н. Шпейере (однако надо иметь в виду, что посланник в Токио был пристрастен, открыто покровительствуя А.Н. Шпейеру, которого хорошо знал по совместной службе в Японии) (М.А. Хитрово – А.Н. Шпейеру 20 февраля (3 марта) 1896 г. // ОР ИРЛИ. Ф.325. Оп.1. №254. Л.6–6 об.).

⁹⁷ Черновик телеграммы К.И. Веберу 2 мая 1896 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.145. Л.57.

⁹⁸ Подробнее об этом см. главу 4 «Русско-китайский союзный договор 1896 г.»